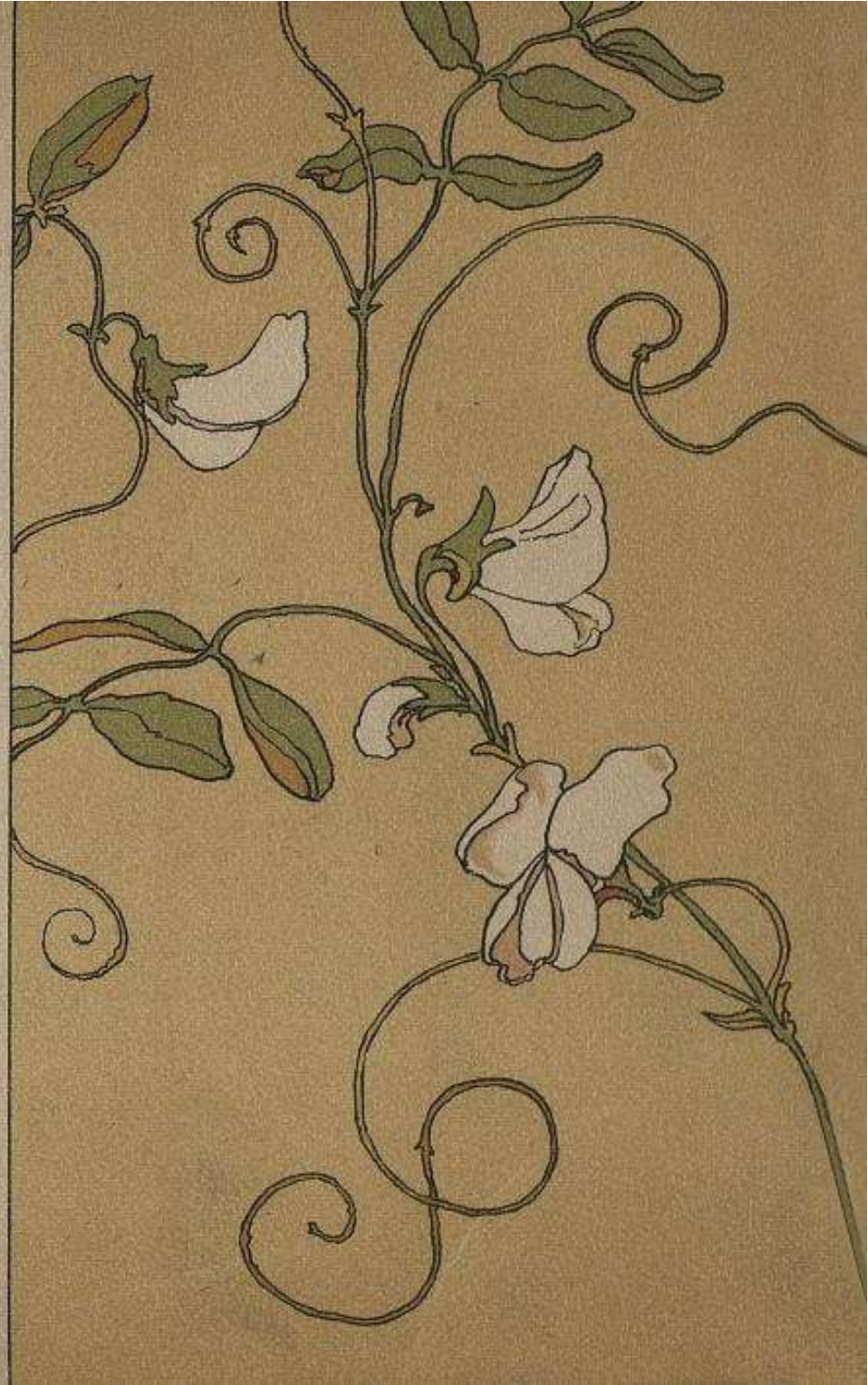
Сказка про славнаго царя Гороха и его прекрасныхъ дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку



СКАЗКА ПРО СЛАВНАГО ЦАРЯ ГОРОХА И ЕГО ПРЕКРАСНЫХЪ ДОЧЕРЕЙ ЦАРЕВНУ КУТАФЬЮ И ЦАРЕВНУ ГОРОШИНКУ

СОЧИНИЛЪ Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ
РИСОВАЛЪ Н. Д. БАРТРАМЪ
ИЗДАЛЪ Д. И. ТИХОМИРОВЪ

Дозволено цензурою. Москва, 9 февраля 1904 года.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.

Предисловие

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Сказываются сказки старикамъ да старушкамъ на утѣшенье, молодымъ людямъ на поученье, а малымъ ребятамъ на послушанье. Изъ сказки слова не выкинешь, а что было, то и быльемъ поросло. Только бѣжалъ мимо косой заяцъ—послушалъ длиннымъ ухомъ,

летѣла мимо жаръ-птица—посмотрѣла огненнымъ глазомъ... Шумитъ, гудитъ зеленый лѣсъ, разстилается шелковымъ ковромъ трава-мурава съ лазоревыми цвѣтиками, поднимаются къ небу каменныя горы, льются съ горъ быстрыя рѣки, бѣгутъ по синю морю кораблики, а по темному лѣсу на добромъ конѣ ѣдетъ могучъ, русскій богатырь, ѣдетъ путемъ-дорогою, чтобы добыть разрывъ-траву, которой открывается счастіе богатырское. Ѣхалъ, ѣхалъ богатырь и доѣхалъ до розстани, гдѣ сбѣжались три пути-дороженьки. По какой ѣхать? Поперекъ одной лежитъ дубовая колода, на другой стоитъ березовый пень, а по третьей ползетъ маленькій червякъ-свѣтлячокъ. Нѣтъ дальше ходу богатырю.

— Чуръ меня!—крикнулъ онъ на весь дремучій лѣсъ.—Отвались отъ меня нечистая сила...

Отъ этого покрика богатырскаго съ хохотомъ вылетѣлъ изъ березоваго дупла сычъ, дубовая колода превратилась въ злую вѣдьму и полетѣла за сычомъ, засвистѣли надъ богатырской головой черныя вороны...

— Чуръ меня!..

И вдругъ все пропало, сгинуло. Остался на дорогѣ одинъ червячокъ-свѣтлячокъ, точно кто потерялъ дорогой камень-самоцвѣтъ.

— Ступай прямо!—крикнула изъ болота лягушка.—Ступай, да только не оглядывайся, а то худо будетъ...

Поѣхалъ богатырь прямо, а впереди поляна, а на полянѣ огненными цвѣтами цвѣтутъ папоротники. За поляной, какъ зеркало, блеститъ озеро, а въ озерѣ плаваютъ русалки съ зелеными волосами и смѣются надъ богатыремъ дѣвичьимъ смѣхомъ.

— У насъ, богатырь, разрывъ-трава! У насъ твое счастіе...

Задумался могучій богатырь—остановился добрый конь.

Впрочемъ, что же это я вамъ разсказываю, малые ребятки?—это только присказка, а сказка впереди.

I.

Жилъ-былъ, поживалъ славный царь Горохъ въ своемъ славномъ царствѣ гороховомъ. Пока былъ молодъ царь Горохъ, больше всего онъ любилъ повеселиться. День и ночь веселился, и всѣ другіе веселились съ нимъ.

— Ахъ, какой у насъ добрый царь Горохъ!— говорили всѣ.

А славный царь Горохъ слушаетъ, бородку поглаживаетъ, и еще ему дѣлается веселѣе. Любилъ царь Горохъ, когда его всѣ хвалили.

Потомъ любилъ царь Горохъ повоевать съ сосѣдними королями и другими славными царями. Сидитъ, сидитъ, а потомъ и скажетъ:

— А не пойти ли намъ на царя Пантелея? Что-то онъ, какъ будто, сталъ зазнаваться на старости лѣтъ... Надо его проучить.

Войска у царя Гороха было достаточно, воеводы были отличные, и всѣ были рады повоевать. И весь народъ тоже былъ радъ войнѣ. Можетъ быть, и самихъ побьютъ, а все-таки рады. Счастливо воевалъ царь Горохъ и послѣ каждой войны привозилъ много всякаго добра и золотой казны, и самоцвѣтныхъ каменьевъ, и шелковыхъ тканей, и плѣнниковъ. Онъ ничѣмъ не брезговалъ и бралъ дань всѣмъ, что попадало подъ руку: мука—подавай сюда и муку: дома пригодится, корова—давай и корову, сапоги—давай и сапоги, масло—давай масло въ кашу. Даже бралъ царь Горохъ дань лыкомъ и вѣникомъ. Всѣ подданные очень его любили за этотъ обычай: чужая каша всегда слаще своей, и чужимъ вѣникомъ лучше парится.

— Спасибо, славный царь Горохъ! — кричали подданные, когда царь Горохъ катался по улицамъ своей столицы.—Мы за тобой, какъ тараканы за печкой, живемъ... Два спасиба тебѣ, славный царь Горохъ!

Всѣ иностранные короли и славные цари завидовали удачѣ царя Гороха, а главное, его веселому характеру. Царь Пантелей, у котораго борода была до колѣнъ, говорилъ прямо:

— Хорошо ему жить, славному царю Гороху, когда у него веселый характеръ. Я отдалъ бы половину своей бороды, если бы умѣлъ такъ веселиться.

Но совсѣмъ счастливыхъ людей не бываетъ на свѣтѣ. У каждаго най-

дется какое-нибудь горе. Ни подданные, ни воеводы, ни бояре не знали, что у веселаго царя Гороха тоже есть свое горе, да еще не одно, а цѣлыхъ два горя. Знала объ этомъ только одна жена царя Гороха, славная царица Луковна, родная сестра царя Пантелея. Царь и царица отъ всѣхъ скрывали свое горе, чтобы народъ не сталъ смѣяться надъ ними. Первое горе заключалось въ томъ, что у славнаго царя Гороха на правой рукѣ было шесть пальцевъ. Онъ такимъ родился, и это скрывали съ самаго дѣтства, такъ что славный царь Горохъ никогда не снималъ съ правой руки перчатки. Конечно, шестой палецъ—пустяки, можно жить и съ шестью пальцами, а бѣда въ томъ, что, благодаря этому шестому пальцу, царю Гороху всего было мало. Онъ самъ признавался своей царицѣ Луковнѣ:

— Кажется, взялъ бы все на свѣтѣ одному себѣ... Развѣ я виноватъ, что у меня такъ рука устроена?

— Что же, бери, пока даютъ,—утѣшала его царица Луковна.—Ты невиноватъ. А если даромъ не отдаютъ, то можно и силой отнять...

Царица Луковна во всемъ и всегда соглашалась съ своимъ славнымъ царемъ Горохомъ. Подданные тоже не спорили и вѣрили, что воюютъ для славы, отбирая чужую кашу и масло. Никто и не подозрѣвалъ, что у славнаго царя Гороха шесть пальцевъ на рукѣ, и что онъ изъ жадности готовъ былъ отнять даже бороду у царя Пантелея, тоже славнаго и храбраго царя.

II.

Второе горе славнаго царя Гороха было, пожалуй, похуже перваго. Дѣло въ томъ, что первымъ у славнаго царя Гороха родился сынъ, славный и храбрый царевичъ Орликъ, потомъ родилась прекрасная царевна Кутафья неописанной красоты, а третьей родилась маленькая, маленькая царевна Горошинка, такая маленькая, что жила въ коробочкѣ, въ которой раньше славная царица Луковна прятала свои сережки. Маленькой царевны Горошинки рѣшительно никто не видалъ, кромѣ отца съ матерью.

— Что мы съ ней будемъ дѣлать, царица?—спрашивалъ въ ужасѣ славный царь Горохъ.—Всѣ люди родятся, какъ люди, а наша дочь съ горошинку...

— Что же дѣлать—пусть живетъ...—печально отвѣчала царица.

Даже царевичъ Орликъ и прекрасная царевна Кутафья не знали, что у нихъ есть сестра Горошинка. А мать любила свою Горошинку больше, чѣмъ другихъ дѣтей: тѣхъ и другіе полюбятъ, а эта мила только отцу съ матерью.

Царевна Горошинка выросла ростомъ въ горошинку и была такъ же весела, какъ отецъ. Ее трудно было удержать въ коробочкѣ. Царевнѣ хотѣлось и побѣгать, и поиграть, и пошалить, какъ другія дѣти. Царица Луковна запиралась въ своей комнатѣ, садилась къ столу и открывала коробочку. Царевна Горошинка выскакивала и начинала веселиться. Столъ ей казался цѣлымъ полемъ, по которому она бѣгала, какъ другія дѣти бѣгаютъ по настоящему полю. Мать протянетъ руку,

и царевна Горошинка едва вскарабкается на нее. Она любила вездѣ прятаться, и мать, бывало, едва ее найдетъ, а сама боится пошевелиться, чтобы, грѣшнымъ дѣломъ, не раздавить родного дѣтища. Приходилъ и славный царь Горохъ полюбоваться на свою царевну Горошинку, и она пряталась у него въ бородѣ, какъ въ лѣсу.

— Ахъ, какая она смѣшная!..—удивлялся царь Горохъ, качая головой.

Маленькая царевна Горошинка тоже удивлялась. Какое все большое кругомъ—и отецъ съ матерью, и комнаты, и мебель! Разъ она забралась на окно и чуть не умерла отъ страха, когда увидала бѣжавшую по улицѣ собаку. Царевна жалобно запищала и спряталась въ наперстокъ, такъ что царь Горохъ едва ее нашелъ.

Всего хуже было то, что, какъ царевна Горошинка стала подрастать—ей хотѣлось все видѣть и все знать. И то покажи ей, и другое, и третье... Пока была маленькой, такъ любила играть съ мухами и тараканами. Игрушки ей дѣлалъ самъ царь Горохъ—нечего дѣлать, хоть и царь, а дѣлай дочери игрушки. Онъ такъ выучился этому дѣлу, что никто другой въ государствѣ не сумѣлъ бы сдѣлать такую телѣжку для царевны Горошинки или другія игрушки. Всего удивительнѣе было то, что мухи и тараканы тоже любили маленькую царевну, и она даже каталась на нихъ, какъ большіе люди катаются на лошадяхъ. Были, конечно, и свои непріятности. Разъ царевна Горошинка упросила мать взять ее съ собой въ садъ.

— Только однимъ глазкомъ взглянуть, матушка, какіе сады бываютъ,— упрашивала царевна Горошинка,—я ничего не сломаю и не испорчу...

ЦАРЕВНА ГОРЮШИНКА СКРЯ-
ТАЛАСЬ ВЪ КОЛОКОЛЬЧИКЪ

— Ахъ, что я съ ней буду дѣлать?—взмолилась царица Луковна.

Однако пошли въ садъ. Царь Горохъ стоялъ на сторожѣ, чтобы кто-нибудь не увидалъ царевны Горошинки, а царица вышла на дорожку и выпустила изъ коробочки свою дочку. Ужасно обрадовалась царевна Горошинка и долго рѣзвилась на песочкѣ и даже спряталась въ колокольчикѣ. Но эта игра чуть не кончилась бѣдой. Царевна Горошинка забралась въ траву, а тамъ сидѣла толстая, старая лягушка—увидала она маленькую царевну, раскрыла пасть и чуть не проглотила ея, какъ муху. Хорошо, что во-время прибѣжалъ самъ славный царь Горохъ и раздавилъ лягушку ногой.

УВИДАЛА ОНА МАЛЕНЬКУЮ ЦАРЕВНУ,

РАСКРЫЛА ПАСТЬ

III.

Такъ жилъ да поживалъ славный царь Горохъ. Всѣ думали, что онъ останется веселымъ всегда, а вышло не такъ. Когда родилась царевна Горошинка, онъ уже былъ не молодъ, а потомъ началъ быстро стариться. На глазахъ у всѣхъ старится славный царь Горохъ. Лицо осунулось, пожелтѣло, глаза ввалились, руки начали трястись, а стараго веселья какъ не бывало. Сильно измѣнился царь Горохъ, а съ нимъ вмѣстѣ приуныло и все гороховое царство. Да и было отчего приунынть: старившійся царь Горохъ сдѣлался подозрительнимъ, всюду видѣлъ измѣну и никому не вѣрилъ, даже самымъ любимымъ боярамъ и воеводамъ.

— Никому не вѣрю!—говорилъ царь Горохъ имъ въ глаза.—Всѣ вы готовы измѣнить мнѣ при первомъ удобномъ случаѣ, а за спиной, навѣрно смѣетесь надо мной... Все знаю!.. Лучше и не оправдывайтесь.

— Помилуй, славный царь Горохъ!—взмолились бояре и воеводы.—Да какъ мы посмѣемъ что-нибудь дурное даже подумать... Всѣ тебя любятъ, славный царь Горохъ, и всѣ готовы жизнь свою отдать за тебя.

— Знаю, знаю. Правые люди не будутъ оправдываться. Вы только то и дѣлаете, что ждете моей смерти.

Всѣ начали бояться славнаго царя Гороха. Такой былъ хорошій и веселый царь, а тутъ вдругъ точно съ печи упалъ—и узнать нельзя. И скупъ

сдѣлался славный царь Горохъ, какъ кащей. Сидитъ и высчитываетъ, сколько добра у него съѣли и выпили гости, да, кромѣ того, сколько еще разныхъ подарковъ получили. И обидно старику, что столько добра пущено на вѣтеръ, и жаль своей царской казны. Началъ славный царь Горохъ всѣхъ притѣснять, каждую денежку высчитывать и даже по утрамъ сидѣлъ въ кухнѣ и смотрѣлъ, какъ варятъ ему щи, чтобы повара не растащили провіанта.

— Воры вы всѣ!—коритъ царь Горохъ своихъ поваровъ.—Только отвернись, вы всю говядину изъ горшка повытаскаете, а мнѣ одну жижу оставите.

— Смилуйся, царь-государь!—вопили повара и валялись у царя Гороха въ ногахъ.—Да какъ мы посмѣемъ таскать твою говядину изъ горшковъ...

— Знаю, знаю. У меня все царство воръ на ворѣ—воромъ погоняетъ.

Дѣло дошло до того, что славный царь Горохъ велѣлъ при себѣ и хлѣбъ рѣзать, и самъ считалъ куски и даже коровъ доить сталъ, чтобы не выпили царскаго молока невѣрные слуги. Всѣмъ пришлось плохо, и даже голодала сама царица Луковна,—плачетъ, а попроситъ кусочка хлѣба не смѣетъ у царя. Исхудала бѣдная и только одному радовалась, что ровно ничего не стоило прокормить любимую дочь, Горошинку. Царевна Горошинка была сыта крошечками...

— Испортили царя!—думали всѣ.—Какой-нибудь колдунъ испортилъ, не иначе дѣло. Долго ли испортить всякаго человѣка... А какой былъ у насъ славный да веселый царь!..

Н. Бартрамъ

А славный царь Горохъ съ каждымъ днемъ дѣлался все хуже и злѣе. Началъ онъ людей по тюрьмамъ садить, а другихъ прямо казнилъ. Ходятъ по всему гороховому царству немилостивые царскіе пристава, ловятъ людей и казнятъ. Чтобы услужить царю Гороху, они выбирали самыхъ богатыхъ, чтобы ихъ имѣнье пошло въ царскую казну.

— Однако, сколько у меня развелось измѣнниковъ! — удивляется славный царь Горохъ. — Это они у меня столько всякаго добра наворовали... А я-то по простотѣ ничего и не замѣчаю. Еще бы немного, такъ я бы самъ съ голоду померъ...

ОДНАКО СКОЛЬКО У МЕНЯ

РАЗВЕЛОСЬ ИЗМѢННИКОВЪ

IV.

Съ каждымъ днемъ славный царь Горохъ дѣлался все хуже и хуже, а народъ все искалъ, кто его испортилъ. Искали, искали и, наконецъ, нашли. Оказалось, что царя испортила его родная дочь, прекрасная царевна Кутафья. Да, она самая... Нашлись люди, которые своими глазами видѣли, какъ она вылетала изъ дворца, обернувшись сорокой, а то еще хуже—бѣгала по городу мышью и подслушивала, кто и что болтаетъ про царя. Отъ нея и все зло по гороховому царству пошло. Доказательства были всѣ на-лицо: славный царь Горохъ любилъ только одну прекрасную царевну Кутафью. Онъ даже прогналъ всѣхъ своихъ поваровъ, а главнаго повѣсилъ передъ кухней, и теперь царское кушанье готовила одна прекрасная царевна Кутафья. Ей только одной вѣрилъ теперь царь Горохъ и никому больше.

— Что намъ дѣлать теперь?—жаловались всѣ другъ другу.—Домашній врагъ сильнѣе всѣхъ... Погубитъ прекрасная царевна Кутафья все царство. Некуда намъ дѣваться отъ колдуньи...

Впрочемъ, оставалась еще одна послѣдняя надежда. О красотѣ царевны Кутафьи прошла слава по всѣмъ землямъ, и къ царю Гороху наѣзжали женихи со всѣхъ сторонъ. Лиха бѣда въ томъ, что она всѣмъ отказывала. Все не хороши женихи. Но вѣдь надоѣстъ же когда-нибудь ей въ дѣвкахъ си-

НАѢЗЖАЛИ ЖЕНИХИ СО ВСѢХЪ СТОРОНЪ

дѣть, выйдетъ она замужъ, и тогда всѣ вздохнутъ свободно. Думали, судили, рядили, передумывали, а прекрасная царевна Кутафья и думать ничего не хотѣла о женихѣ. Послѣднимъ наѣхалъ къ царю Гороху молодой королъ Косарь, красавецъ и богатырь, какихъ поискать, но и онъ получилъ отказъ, т.-е. отказалъ ему самъ царь Горохъ.

ГОРЬКО ПЛАКАЛА

—Королевство у тебя маловато, королѣ Косарѣ,—заявилъ ему славный царѣ Горохъ, поглаживая бородку.—Еле-еле самъ сытъ, а чѣмъ жену будешь кормить?

Обидѣлся королѣ Косарѣ, сѣлъ на своего коня и сказалъ на прощанье царю Гороху:

— Изъ маленькаго королевства можетъ вырасти и большое, а изъ большого царства ничего не останется. Отгадай, что это значитъ?

Славный царѣ Горохъ только посмѣялся надъ хвастовствомъ короля Косаря: молодъ еще, на губахъ молоко не обсохло. Царевны, прекрасной Кутафьи, отецъ даже не спросилъ, нравится ей или не нравится королѣ Косарѣ. Не дѣвичье это дѣло жениховъ разбиратъ: отецъ съ матерью лучше знаютъ,

кому отдать родное дѣтище. Прекрасная царевна Кутафья видѣла изъ своего терема, какъ уѣзжалъ домой король Косарь, и горько плакала.

Пришелся ей къ самому сердцу красавецъ-король, да, видно, ничего противъ воли родительской не подѣлаешь. Всплакнула и царица Луковна, жалѣючи дочь, а сама и пикнуть не смѣла передъ царемъ.

Не успѣлъ славный царь Горохъ оглянуться, какъ король Косарь принялся разгадывать свою загадку. Первымъ дѣломъ онъ пошелъ войной на царя Пантелея, началъ братъ города и избилъ несчетное число народа. Испугался царь Пантелей и сталъ просить помощи у царя Гороха. Раньше они ссорились и иногда воевали, но въ бѣдѣ некогда разбирать старыхъ счетовъ. Однако славный царь Горохъ опять погордился и отказалъ.

— Управляйся, какъ знаешь,—сказалъ онъ черезъ пословъ царю Пантелею.—Всякому своя рубашка ближе къ тѣлу.

Не прошло и полугода, какъ прибѣжалъ и самъ царь Пантелей. У него ничего не осталось, кромѣ бороды, а его царствомъ завладѣлъ король Косарь.

— Напрасно ты мнѣ не помогъ,—укорялъ онъ царя Гороха.—Вмѣстѣ-то мы его побѣдили бы, а теперь онъ меня разбилъ и тебя разобьетъ.

— Это еще мы увидимъ, а твой Косарь—молокососъ...

Королю Косарю послалъ собаку съ обрубленнымъ хвостомъ

V.

Завоевавъ царство Пантелея, королъ Косарь послалъ къ славному царю Гороху своихъ пословъ, которые и сказали:

— Отдай нашему храброму королю Косарю свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, а то и тебѣ будетъ то же, что царю Пантелею.

Разсердился царь Горохъ и велѣлъ казнить косаревыхъ пословъ, а самому королю Косарю послалъ собаку съ обрубленнымъ хвостомъ. Вотъ, дескать, тебѣ самая подходящая невѣста...

Разсердился и король Косарь и пошелъ войной на гороховое царство, идетъ—и народъ, какъ косой, коситъ. Сколько селъ разорилъ, сколько городовъ выжегъ, сколько народу погубилъ, а воеводъ, которыхъ выслалъ противъ него царь Горохъ, въ полонъ взялъ. Долго ли, коротко ли сказка сказывается, а только король Косарь подступилъ уже къ самой столицѣ, обложилъ ее кругомъ, такъ что никому ни проходу, ни проѣзду нѣтъ, и опять шлетъ пословъ къ славному царю Гороху.

— Отдай замужъ свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, нашему королю Косарю,—говорили послы.—Ты первыхъ пословъ казнилъ и насъ можешь казнить. Мы люди подневольные...

— Лучше я самъ умру, а дочери не отдамъ вашему королю!—отвѣтилъ царь Горохъ.—Пусть самъ беретъ, если сумѣетъ только взять... Я вѣдь не царь Пантелей.

Хотѣлъ славный царь Горохъ и этихъ пословъ казнить, да за нихъ во-время заступилась сама прекрасная царевна Кутафья. Бросилась она въ ноги грозному отцу и начала горько плакать.

— Лучше меня вели казнить, отец, а эти люди невиноваты... Сними с меня голову, только не губи других. Из-за меня, несчастной, напрасно льется кровь, и гибнут люди...

— Вот как? Отлично... — ответил славный царь Горох. — Ты отца родного променяла на каких-то послов? Спасибо, доченька... Может быть, тебе хочется замуж за короля Косаря? Ну, этого ты не дождешься... Все царство загублю, а тебе не бывать за Косарем...

Страшно разсердился царь Горох на любимую дочь и велел посадить ее в высокую-высокую башню, где томились и другие заключенные, а в подвал были посажены косаревы послы. Народ узнал об этом и толпами приходил к башне, чтобы ругать опальную царевну.

— Отдай нам наши города, взятые королем Косарем?!—кричали ей снизу, потерявшие от горя голову, люди.— Отдай всех, которых убил король Косарь? Из-за тебя мы все терпим и мучимся, из-за тебя и сами перемрем все голодною смертью... Ты испортила и своего отца, который раньше не был таким.

Страшно делалось прекрасной царевне Кутафье, когда она слышала такія слова. Ведь ее разорвали бы на мелкія части, если бы она вышла из башни. А чем она виновата? Кому она сделалала какое зло? Вот и родной

отецъ ее возненавидѣлъ ни за что... Горько и обидно дѣлается царевнѣ, и горько-горько она плачетъ, день и ночь плачетъ.

— И для чего я только уродилась красавицей? — причитывала она, ломая руки.— Лучше бы мнѣ родиться какимъ-нибудь уродомъ, хромой и горбатой... А теперь всѣ противъ меня. Охъ, лучше бы меня казнилъ отецъ!..

А въ столицѣ уже начинался голодъ. Голодные люди приходили къ башнѣ и кричали:

— Прекрасная царевна Кутафья, дай намъ хлѣба... Мы умираемъ съ голоду. Если насъ не жалѣешь, то пожалѣй нашихъ дѣтей.

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА КУТАФЬЯ, ДАЙ НАМЪ ХЛѢБА...

VI.

Жалѣла прекрасную царевну Кутафью одна мать, тѣмъ болѣе, что знала, что она ни въ чемъ невиновата. Всѣ глаза выплакала старая царица Луковна, а мужу ничего не смѣла сказать. И плакала она потихоньку ото всѣхъ, чтобы кто-нибудь не донесъ царю. Материнское горе видѣла одна царевна Горошинка и плакала вмѣстѣ съ ней, хотя и не знала, о чемъ плачетъ. Очень ей жаль было матери: такая большая женщина и такъ плачетъ.

— Мама, скажи, о чемъ ты плачешь? — спрашивала она. — Ты только скажи, а я попрошу отца... Онъ все устроитъ.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, Горошинка.

Царица Луковна не подозрѣвала, что Горошинка знала гораздо больше, чѣмъ она думала. Вѣдь это былъ необыкновенный ребенокъ. Горошинкѣ улыбались цвѣты, она понимала, о чемъ говорятъ мухи, а когда выросла большой, т.-е. ей исполнилось семнадцать лѣтъ, съ Горошинкой произошло нѣчто совершенно необыкновенное, о чемъ она никому не разсказывала. Стоило ей захотѣть—и Горошинка превращалась въ муху, въ мышку, въ маленькую птичку. Это было очень интересно. Горошинка пользовалась тѣмъ временемъ, когда мать спала, и вылетала въ окно мухой. Она облетѣла всю

ОНА ПОНИМАЛА, О ЧЕМЪ ГОВОРИЛИ МУХИ

столицу и все разсмотрѣла. Когда отецъ заключилъ прекрасную Кутафью въ башню, она пролетѣла и къ ней. Царевна Кутафья сидѣла у окна и горько-горько плакала. Муха-Горошинка полетала около нея, пожужжала и, наконецъ, проговорила.

— Не убивайся, сестрица. Утро вечера мудренѣе...

Царевна Кутафья страшно перепугалась. Къ ней никого не допускали, а тутъ вдругъ человѣческій голосъ.

— Это—я, твоя сестренка Горошинка.

— У меня нѣтъ никакой сестрицы...

— А я-то на что?

Горошинка разсказала о себѣ все, и сестры

поцѣловались. Теперь обѣ плакали отъ радости и не могли наговориться. Прекрасная царевна Кутафья смущалась только однимъ, именно, что маленькая сестренка Горошинка умѣетъ превращаться въ муху. Значитъ, она колдунья, а всѣ колдуньи—злыя.

— Нѣтъ, я не колдунья,—объясняла обиженная Горошинка.—А только заколдована кѣмъ-то, и на мнѣ положенъ какой-то зарокъ, а какой зарокъ—никто не знаетъ. Что-то я должна сдѣлать, чтобы превратиться въ обыкновенную дѣвушку, а что—не знаю.

Прекрасная царевна Кутафья разсказала о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ: какъ она жалѣла отца, который сдѣлался злымъ, а потомъ, сколько горя изъ-за нея терпитъ теперь все гороховое царство. А чѣмъ она виновата, что король Косарь непремѣнно хочетъ жениться на ней? Онъ даже и не видалъ ея ни разу.

— А тебѣ онъ нравится, сестрица?—лукаво спросила Горошинка.

Прекрасная царевна Кутафья только опустила глаза и покраснѣла.

— Раньше нравился...—объяснила она со смущеніемъ.—А теперь я его не люблю. Онъ—злой.

— Хорошо. Понимаю. Ну, утро вечера мудренѣе...

VII.

Все гороховое царство было встревожено. Во-первыхъ, царевичъ Орликъ попался въ плѣнъ злому королю Косарю, а во-вторыхъ, исчезла изъ башни прекрасная царевна Кутафья. Отворили утромъ тюремщики дверь въ комнату царевны Кутафьи, а ея и слѣдъ простылъ. Еще больше удивились они, когда увидѣли, что у окошка сидитъ другая дѣвица, сидитъ и не шелохнется.

— Ты какъ сюда попала?—удивились тюремщики.

— А такъ... Вотъ пришла и сижу.

И дѣвица какая-то особенная—горбатая, да рябая, а на самой надѣто платьишко худенькое, все въ заплаткахъ. Пришли тюремщики въ ужасъ.

— Что ты надѣлала-то, умница? Вѣдь расказнитъ насъ славный царь Горохъ, что не уберегли мы прекрасной царевны Кутафьи...

Побѣжали во дворецъ и объявили все. Прибѣжалъ въ башню самъ славный царь Горохъ—такъ бѣжалъ, что и шапку дорогой потерялъ.

— Всѣхъ казню!—кричалъ онъ.

— Царь-государь, смилуйся!—вопили тюремщики, валяясь у него въ ногахъ.—Что хочешь дѣлай, а мы невиноваты. Видно, посмѣялась надъ нами, бѣдными, прекрасная царевна Кутафья...

Одного не посмѣли сказать тюремщики, именно, что прекрасная царевна Кутафья — вѣдьма. Не даромъ весь народъ говорилъ это же. Только тюремщикамъ не приходилось этого говорить въ глаза самому отцу.

Посмотрѣлъ славный царь Горохъ на рябую дѣвицу, которая, какъ ничего не бывало, сидѣла у окошечка, и подивился не меньше тюремщиковъ.

— Да ты откуда взялась-то, красота писаная? — строго спросилъ онъ.

— А такъ... Гдѣ была—тамъ ничего не осталось.

Удивляется славный царь Горохъ, что такъ смѣло отвѣчаетъ ему рябая дѣвица и нисколько его не боится.

— А ну-ка, повернись...—сказалъ онъ, удивляясь.

Какъ поднялась дѣвица, всѣ увидѣли, что она хромая, а платьишко на ней едва держится—заплата на заплатѣ.

— Этакую ворону и казнить даже не стоитъ,—подумалъ славный царь Горохъ.

Собрались тюремщики, тоже смотрятъ и тоже дивуются.

— Какъ тебя звать-то, красавица?—спросилъ царь Горохъ.

— А какъ нравится, такъ и зови... Прежде звали Босоножкой.

— И ты меня не боишься?

— Чего мнѣ тебя бояться, когда ты добрый... Такъ и всѣ говорятъ: какой у насъ добрый царь Горохъ.

Много всякихъ чудесъ насмотрѣлся царь Горохъ, а такого чуда не видывалъ. Прямо въ глаза смѣется надъ нимъ мудреная дѣвица. Задумался славный царь Горохъ и даже не пошелъ домой обѣдать, а самъ остался караулить въ башнѣ. Тюремщики были закованы въ цѣпи и отведены въ другую тюрьму. Не умѣли ухранить царской дочери, такъ пусть сами сидятъ...

— Скажите царицѣ Луковнѣ, чтобы послала мнѣ сюда щей и каши,— приказалъ царь Горохъ.—А я самъ буду сторожить. Дѣло не чисто...

А царица Луковна убивалась у себя во дворцѣ. Плачетъ, какъ рѣка льется. Сына въ полонъ взялъ злой королъ Косарь, прекрасная дочь Кутафья исчезла, а тутъ еще пропала царевна Горошинка. Искала-искала ее царица по всѣмъ комнатамъ—нѣтъ нигдѣ Горошинки.

— Видно, ее мышь загрызла или воробей заклевалъ,—думала царица Луковна и еще больше плакала.

ПРИВЯЗЫВАЕТЪ ПИСЬМО КЪ СТРѢЛѢ И ПУСКАЕТЪ ВЪ ГОРОДЪ.

VIII.

Въ столицѣ славнаго царя Гороха и стонъ, и плачъ, и горе, а злой королъ Косарь веселится въ своемъ станѣ. Чѣмъ хуже славному царю Гороху, тѣмъ веселѣе злому королю Косарю. Каждое утро злой королъ Косарь пишетъ письмо, привязываетъ его къ стрѣлѣ и пускаетъ въ городъ. Его послѣднее письмо было такое:

«Эй, ты, славный царь Горохъ, не много у тебя закуски осталось—

приходи ко мнѣ, я тебя накормлю. Царю Пантелею я хоть бороду оставилъ, а у тебя и этого нѣтъ—у тебя не борода, а мочалка».

Сидитъ славный царь Горохъ въ башнѣ, читаетъ королевскія письма и даже плачетъ отъ злости.

Весь народъ, сбѣжавшійся въ столицѣ, страшно голодалъ. Люди умирали отъ голода прямо на улицѣ. Теперь уже никто не боялся славнаго царя Гороха—все равно умирать. Голодные люди приходили прямо къ башнѣ, въ которой заперся царь Горохъ, и ругали его.

— Вотъ, старый колдунъ караулитъ вѣдьму-дочь... Сжечь ихъ надо, а пепелъ пустить по вѣтру. Эй, Горохъ, выходи лучше добромъ...

Слушаетъ всѣ эти слова царь Горохъ и плачетъ. Зачѣмъ онъ злился и притѣснялъ всѣхъ? Пока былъ добрый—все было хорошо. Гораздо выгоднѣе быть добрымъ. Догадался царь Горохъ, какъ слѣдовало жить, да поздно. А тутъ еще рябая дѣвица сидитъ у окошка и поетъ:

Жилъ да поживалъ славный царь Горохъ,
Побѣдить его никто не могъ...
А вся сила въ томъ была,
Что желалъ онъ всѣмъ добра.

— Правда, правда...—шепталъ царь Горохъ, обливаясь слезами.

Потомъ мудреная дѣвица сказала ему:

— Вотъ что, славный царь Горохъ... Не ты меня держишь въ башнѣ, а я тебя держу. Понялъ? Ну, такъ довольно... Нечего тебѣ здѣсь больше дѣлать. Ступай-ка домой—царица Луковна очень соскучилась о тебѣ. Какъ придешь домой—собирайся въ дорогу. Понялъ? А я приду за вами...

— Какъ же я пойду—меня убьютъ дорогой.

— Никто не убьетъ. Вотъ, я тебѣ дамъ пропускъ...

Оторвала дѣвица одну заплатку со своего платья и подала царю. И, дѣйствительно, дошелъ царь Горохъ до самаго дворца, и никто его не узналъ, даже свои дворцовые слуги. Они даже не хотѣли его пускать во дворецъ. Славный царь Горохъ хотѣлъ было разсердиться и тутъ же всѣхъ ихъ казнить, да во-время припомнилъ, что добрымъ быть куда выгоднѣе. Укрѣпился царь Горохъ и сказалъ слугамъ:

— Мнѣ бы только увидать царицу Луковну. Всего одно словечко сказать...

Слуги смилостивились и допустили старика къ царицѣ. Когда онъ шелъ въ царскіе покои, они сказали ему одно:

— Царица у насъ добрая, смотри, не вздумай просить у нея хлѣба. Она и сама черезъ день теперь ѣстъ. А все изъ-за проклятаго царя Гороха...

Царица Луковна узнала мужа сразу и хотѣла броситься къ нему на шею, но онъ сдѣлалъ ей знакъ и шепнулъ.

— Бѣжимъ скорѣе... Послѣ все разскажу.

Сборы были короткіе—что можно унести въ рукахъ. Царица Луковна взяла только одну пустую коробочку, въ которой жила Горошинка. Скоро пришла и Босоножка и повела царя съ царицей. На улицѣ догналъ ихъ царь Пантелей и со слезами заговорилъ:

— Что же это вы меня одного оставляете?

— Ну, идемъ съ нами...—сказала Босоножка.—Веселѣе вмѣстѣ идти.

IX.

Король Косарь стоялъ подъ столицей царя Гороха уже второй годъ и не хотѣлъ брать города приступомъ, чтобы не губить напрасно своихъ королевскихъ войскъ. Все равно, сами сдадутся, когда «до сыта наголодаются».

Отъ нечего дѣлать веселится злой король Косарь въ своей королевской палаткѣ. Веселится и днемъ, веселится и ночью. Горятъ огни, играетъ музыка, поютъ пѣсни... Всѣмъ весело, только горюютъ одни плѣнники, которыхъ охраняла крѣпкая королевская стража. А среди всѣхъ этихъ плѣнниковъ больше всѣхъ горюетъ царевичъ Орликъ, красавецъ Орликъ, о которомъ тосковали всѣ дѣвушки, которыя его видѣли хоть издали. Это былъ орленокъ, выпавшій изъ родного гнѣзда. Но приставленная къ царевичу стража стала замѣчать, что каждое утро прилетаетъ откуда-то бѣлобокая сорока и что-то долго стрекочетъ по-своему, по-сорочьему, а сама такъ и вьется надъ землян-

кой, въ которой сидѣлъ плѣнный царевичъ. Пробовали стрѣлять въ нее, но никто попасть не могъ.

— Это какая-то проклятая птица!—рѣшили всѣ.

Какъ ни веселился король Косарь, а надоѣло ему ждать покорности. Послалъ онъ въ осажденный городъ стрѣлу съ письмомъ, въ которомъ предупреждалъ царя Гороха, что, если города ему не сдадутъ, то завтра царевичъ Орликъ будетъ казненъ. Ждалъ король Косарь отвѣта до самаго вечера и не получалъ его. И въ столицѣ не зналъ еще никто, что славный царь Горохъ бѣжалъ.

— Завтра казнить царевича Орлика,—приказалъ король Косарь.—Надоѣло мнѣ ждать... Всѣхъ буду казнить, кто только попадется мнѣ въ руки. Пусть помнятъ, какой былъ король Косарь...

Къ утру все было готово для казни. Собралось все королевское войско смотрѣть, какъ будутъ казнить царевича Орлика. Король Косарь смотрѣлъ на все изъ своей палатки. Вотъ ужъ загудѣли уныло трубы, и сторожа вывели царевича. Молодой красавецъ не трусилъ, а только съ тоской посмотрѣлъ на родную столицу, стѣны которой были усыпаны народомъ. Тамъ уже было извѣстно о казни царевича.

Король Косарь вышелъ изъ палатки и махнулъ платкомъ—это значило что прощенія не будетъ. Но въ это именно время налетѣла сорока, взвилась надъ землянкой плѣннаго царевича и страшно затрещала. Она такъ и вилась надъ головой Косаря.

— Что это за птица?—разсердился королъ Косарь.

Придворные бросились отгонять птицу, а она такъ и лѣзетъ—кого въ голову клюнетъ, кого въ руку, а кому прямо въ глазъ норовитъ попасть. И придворные разсердились. А сорока сѣла на золотую маковку королевской палатки и точно всѣхъ дразнитъ. Начали въ нее стрѣлять, и никто попасть не можетъ.

— Убейте ее!—кричитъ королъ Косарь.—Да нѣтъ, куда вамъ... Давайте мнѣ мой лукъ и стрѣлы. Я покажу вамъ, какъ нужно стрѣлять...

Натянулъ королъ Косарь могучей рукой тугой лукъ, вспѣла, оперенная лебединымъ перомъ, стрѣла, и свалилась съ маковки сорока. У всѣхъ на глазахъ свершилось великое чудо. Когда подбѣжали поднять убитую сороку, на землѣ лежала съ закрытыми глазами дѣвушка неописанной красоты. Всѣ сразу узнали въ ней прекрасную царевну Кутафью. Стрѣла попала ей прямо въ лѣвую руку, въ самый мизинецъ. Подбѣжалъ самъ королъ Косарь, припалъ на колѣни и въ ужасѣ проговорилъ:

— Дѣвица-краса, что ты со мной сдѣлала?

Раскрылись чудные дѣвичьи глаза, и прекрасная царевна Кутафья отвѣтила:

— Не вели казнить брата Орлика...

Королъ Косарь махнулъ платкомъ, и стража, окружающая царевича, разступилась.

ДѢВИЦА-КРАСА, ЧТО ТЫ СО МНОЙ СДѢЛАЛА

X.

Ведетъ Босоножка двухъ царей да царицу Луковну, а они идутъ да ссорятся. Все задираетъ царь Пантелей.

— Ахъ, какое у меня отличное царство было!.. — хвастается онъ. — Такого другого царства и нѣтъ...

— Вотъ и врешь, царь Пантелей!—спорилъ царь Горохъ.—Мое было не въ примѣръ лучше...

— Нѣтъ, мое!..

— Нѣтъ, мое!..

Какъ ни старается царь Горохъ сдѣлаться добрымъ, и никакъ не можетъ. Какъ тутъ будешь добрымъ, когда царь Пантелей говоритъ, что его царство было лучше?

Опять идутъ.

— А сколько у меня всякаго добра было,—говоритъ царь Пантелей.— Одной казны не пересчитаешь. Ни у кого столько не было.

— Опять врешь!—сказалъ царь Горохъ.—У меня и добра и казны было больше.

Идутъ цари и ссорятся. Царица нѣсколько разъ дергала царя Гороха за рукавъ и шептала:

— Перестань, старикъ... Вѣдь ты же хотѣлъ быть добрымъ?

— А ежели царь Пантелей мѣшаетъ мнѣ быть добрымъ? — сердился славный царь Горохъ.

Всякій думаетъ о своемъ, а царица Луковна все о дѣтяхъ. Гдѣ-то красавецъ-царевичъ Орликъ? гдѣ-то прекрасная царевна Кутафья? гдѣ-то царевна Горошинка? Послѣдней было ей больше всего жаль. Поди и косточекъ не осталось отъ Горошинки... Идетъ царица и потихоньку вытираетъ материнскія слезы рукавомъ.

А цари отдохнутъ и опять спорятъ. Спорили, спорили, чуть не подрались. Едва царица Луковна ихъ разняла.

— Перестаньте вы грѣшить,—уговаривала она ихъ.—Оба лучше... Ничего не осталось, такъ и хвалиться нечѣмъ.

— У меня-то осталось!—озлился славный царь Горохъ.—Да, осталось.. я и сейчасъ богаче царя Пантелея.

Разсердился царь Горохъ, сдернулъ перчатку съ правой руки, показалъ царю Пантелею свои шесть пальцевъ и говоритъ:

— Что, видѣлъ? У тебя пять пальцевъ всего, а у меня цѣлыхъ шесть— и вышло, что я тебя богаче.

— Эхъ, ты, нашелъ чѣмъ хвалиться!—засмѣялся царь Пантелей.—Ужъ если на то пошло, такъ у меня одна борода чего стоитъ...

Послушай, царь Пантелей... заговорил
царь Горох - послушай... брось...

Долго спорили цари, опять чуть не подрались, но царь Пантелей изнемогъ, присѣлъ на кочку и заплакалъ. Царю Гороху сдѣлалось вдругъ совѣстно. Зачѣмъ онъ хвастался своими шестью пальцами и довелъ человѣка до слезъ?

— Послушай, царь Пантелей...—заговорилъ онъ.—Послушай... брось...

— Никакъ не могу бросить, царь Горохъ.

— Да ты о чемъ?

— А я ѣсть хочу. Лучше ужъ было остаться въ столицѣ или идти къ злому королю Косарю. Все равно, помирать голодною смертью...

Подошла Босоножка и подала царю Пантелею кусокъ хлѣба. Съѣлъ его царь Пантелей, да какъ закричитъ:

— А что же ты, такая-сякая, щей мнѣ не даешь?!.. По-твоему цари въ сухомятку должны ѣсть? Да я тебя сейчасъ изничтожу...

— Перестань, нехорошо...—уговаривалъ царь Горохъ.—Хорошо, когда и кусокъ хлѣбца найдется.

XI.

Долго ли, коротко ли вздорили цари между собой, потомъ мирились, потомъ опять вздорили, а Босоножка идетъ себѣ впереди, переваливается на кривыхъ ногахъ да черемуховой палкой подпирается. Царица Луковна мол-

чала, боялась, чтобы не было погони, чтобы не убили царя Гороха, а когда ушли подальше, и опасность миновала, она стала думать другое. И откуда взялась эта самая Босоножка? И платьишко на ней рваное, и сама она какая-то корявая да еще къ тому же хромая. Не нашелъ царь Горохъ дѣвицы хуже. Такой-то уродины и близко бы къ царскому дворцу не пустили. Начала царица Луковна посерживаться и спрашиваетъ:

— Эй, ты, Босоножка, куда это ты насъ ведешь?..

Цари тоже перестали спорить и тоже накинулись на Босоножку.

— Эй, ты, кривая нога, куда насъ ведешь?

Босоножка остановилась, посмотрѣла на нихъ и только улыбнулась. А цари такъ къ ней и подступаютъ: сказывай, куда завела?

— А въ гости веду...—отвѣтила Босоножка и еще прибавила:—какъ разъ къ самой свадьбѣ поспѣемъ.

Тутъ ужъ на нее накинулась сама царица Луковна и начала ее касторить. И такая, и сякая—до свадьбы ли теперь, когда у всякаго своего горя не расхлебаешь. Въ глаза смѣется Босоножка надъ всѣми.

— Ты у меня смотри!—грозилась царица Луковна.—Я шутить не люблю.

Ничего не сказала Босоножка, а только показала рукой впередъ. Теперь всѣ увидѣли, что стоитъ впереди громадный городъ съ каменными стѣ-

нами, башнями и чудными хоромами, передъ городомъ раскинутъ станъ и несмѣтное войско. Немного струсили цари и даже попятились назадъ, а потомъ царь Пантелей сказалъ:

— Э, все равно, царь Горохъ! Пойдемъ... Чему быть—того не миновать, а, можетъ, тамъ и покормятъ. Очень ужъ я о щахъ стосковался...

Царь Горохъ тоже не прочь былъ закусить, да и царица Луковна проголодалась.

Нечего дѣлать, пошли. Никто не думаетъ даже, какой это городъ, и чей станъ раскинутъ. Царь Горохъ идетъ и думаетъ, зачѣмъ онъ хвастался предъ царемъ Пантелеемъ своими шестью пальцами, — болтливъ царь Пантелей и всѣмъ разскажетъ. А царица Луковна начала прихорашиваться и сказала Босоножкѣ:

— Иди-ка ты, чумичка, позади насъ, а то еще осрамишь передъ добрыми людьми...

Идутъ дальше. А ихъ ужъ замѣтили на стану. Валитъ навстрѣчу народъ, впереди скачутъ вершники. Пріосанились оба царя, а царь Пантелей сказалъ:

— Ну, теперь дѣло не одними щами пахнетъ, а и кашей и киселемъ... Очень ужъ я люблю кисель!..

Всесоюзная библиотека

Смотритъ царица Луковна и своимъ глазамъ не вѣритъ. Ѣдетъ впереди на лихомъ конѣ самъ красавецъ-царевичъ Орликъ и машетъ своей шапкой. А за нимъ ѣдетъ тоже на конѣ прекрасная царевна Кутафья, а рядомъ съ ней ѣдетъ злой король Косарь.

— Ну, теперь, кажется, вышла каша-то съ масломъ... — забормоталъ, испугавшійся, царь Пантелей и хотѣлъ убѣжать, но его удержала Босоножка.

Подъѣхали всѣ, и узналъ славный царь Горохъ родныхъ дѣтей.

— Да вѣдь это моя столица!—ахнулъ онъ, оглядываясь на городъ.

Спѣшились царевичъ Орликъ и царевна Кутафья и бросились въ ноги отцу и матери. Подошелъ и король Косарь.

— Ну, что же ты тнемъ стоишь?—сказалъ ему славный царь Горохъ.— Отъ поклону голова не отвалится...

Поклонился злой король Косарь и сказалъ:

— А вѣдь я думалъ, что ты злой, славный царь Горохъ. Бью тебѣ челомъ... Отдай за меня замужъ прекрасную царевну Кутафью.

— Ну, это еще посмотримъ,—гордо отвѣтилъ царь Горохъ.

Съ великимъ торжествомъ повели гостей въ королевскую палатку. Всѣ ихъ встрѣчали съ почетомъ. Даже царь Пантелей пріосанился. Только когда

подходили къ палаткѣ, царица Луковна хватилась Босоножки, а ея и слѣдъ простылъ. Искали, искали, ничего не нашли.

— Это была Горошинка, мама, — шепнула царицѣ Луковнѣ прекрасная царевна Кутафья.—Это она все устроила.

Черезъ три дня была свадьба—прекрасная царевна Кутафья выходила за короля Косаря. Осада съ города была снята. Всѣ ѣли, пили и веселились. Славный царь Горохъ до того развеселился, что сказалъ царю Пантелею:

— Давай поцѣлуемся, царь Пантелей... И изъ-за чего мы ссорились? Вѣдь ежели разобрать, и король Косарь совсѣмъ не злой...

XII.

Когда царь Горохъ съ царицей Луковной вернулся къ себѣ домой со свадьбы, Босоножка сидѣла въ царицыной комнатѣ и починивала свои заплатки. Царица Луковна такъ и ахнула.

— Да откуда ты взялась-то, уродина?—разсердилась старуха.

— Вы на свадьбѣ у сестрицы Кутафьи веселились, а я здѣсь свои заплатки починивала...

— Сестрицы?!.. Да какъ ты смѣешь такія слова выговаривать, негодная... Да я велю сейчасъ тебя въ три метлы отсюда выгнать. Тогда и узнаешь сестрицу Кутафью...

— Мама, да вѣдь я твоя дочь Горошинка.

У царицы Луковны даже руки опустились. Старуха сѣла къ столу и горько заплакала. Она только теперь припомнила, что сама Кутафья ей говорила о Горошинкѣ. Весело было на свадьбѣ, и про Горошинку съ радости всѣ и забыли.

— Охъ, забыла я про тебя, доченька,—плакалась царица Луковна.—Совсѣмъ изъ памяти вонъ... А еще Кутафья про тебя мнѣ шепнула. Вотъ грѣхъ какой вышелъ!

Какъ ты смѣешь такія слова говорить

Посмотрѣвъ на Босоножку, царица Луковна вдругъ опять разсердилась и проговорила:

— Нѣтъ, матушка, не походишь ты на мою Горошинку... Ни-ни!.. Просто взяла да притворилась и назвалась Горошинкой. И Кутафью обманула... Не такая у меня Горошинка была...

— Право, мама, я Горошинка, — увѣряла Босоножка со слезами.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... И не говори лучше. Еще царь Горохъ узнаетъ и сейчасъ меня казнить велитъ...

— Отецъ у меня добрый!..

— Отецъ?!.. Да какъ ты смѣешь такія слова говорить? Да я тебя въ чуланъ посажу, чумазую.

Горошинка заплакала. Она же о всѣхъ хлопотала, а ее и на свадьбу

забыли позвать, да еще родная мать хочетъ въ чуланъ посадить. Царица Луковна еще сильнѣе разсердилась и даже ногами затопала.

— Вотъ еще горюшко навязалось!—кричала она.—Ну, куда я съ тобою дѣнусь? Придетъ ужо царь Горохъ, увидитъ тебя—что я ему скажу? Да онъ и меня расказнитъ за такую-то дочь. Однимъ словомъ, обманываешь ты меня, а я еще тебя слушаю. Уходи сейчасъ же съ моихъ глазъ...

— Некуда мнѣ идти, мама...

— Какая я тебѣ мама?!.. Ахъ, ты, чучело гороховое... Будетъ притворяться-то... Тоже придумаетъ: дочь!

Царица Луковна и сердилась, и плакала, и рѣшительно не знала, что ей дѣлать. А тутъ еще, сохрани Богъ, царь Горохъ какъ-нибудь узнаетъ. Вотъ бѣда прикачнулась.

Думала, думала старушка и рѣшила послать за дочерью Кутафьей.

— Она помоложе, можетъ, что и придумаетъ, а я ужъ старуха, и взять съ меня нечего...

Недѣли черезъ три пріѣхала и Кутафья, да еще вмѣстѣ со своимъ мужемъ, королемъ Косаремъ. Все царство обрадовалось, а во дворцѣ поднялся такой пиръ, что царица Луковна совсѣмъ позабыла о Босоножкѣ, т.-е. не совсѣмъ забыла, а все откладывала разговоръ съ Кутафьей.

«Пусть молодые-то повеселятся и порадуются», думала царица Луковна. «Покажи имъ этакую чучелу, такъ всѣ гости, пожалуй, разбѣгутся».

И гости веселятся напропалую, а всѣхъ больше царь Пантелей — пляшетъ старикъ, только борода трясется. Король Косарь отдалъ ему все царство назадъ, и царь Пантелей радовался, точно вчера родился. Онъ всѣхъ обнималъ и лѣзъ цѣловаться, такъ что царь Горохъ даже немного разсердился.

— Что ты лижешь, Пантелей, точно теленокъ!..

— Голубчикъ, царь Горохушко, не сердись!.. — повторялъ царь Пантелей, обнимая стараго друга.

— Ахъ, какой ты... Теперь я опять никого не боюсь и хоть сейчасъ опять готовъ воевать.

— Ну, это дѣло ты брось... Прежде я тоже любилъ повоевать, а теперь ни-ни!.. И такъ проживемъ...

Чтобы какъ-нибудь гости не увидали Босоножки, царица Луковна запрятала ее въ своей комнатѣ на ключъ, и бѣдная дѣвушка могла любоваться только въ окно, какъ веселились другіе. Гостей наѣхало со всѣхъ сторонъ видимо-невидимо, и было что посмотрѣть. Когда надоѣдало веселиться въ горницахъ, всѣ гости выходили въ садъ, гдѣ играла веселая музыка, а по ве-

черамъ горѣли разноцвѣтные огни. Царь Горохъ похаживалъ среди гостей, разглаживалъ свою бороду и весело приговаривалъ:

— Не скучно ли кому? Не обидѣлъ ли я кого? Хватаетъ ли всѣмъ вина и ѣды? Кто умѣетъ веселиться, тотъ добрый человѣкъ...

Босоножка видѣла изъ окна, какъ царь Пантелей съ радости подбиралъ полы своего кафтана и пускался въ присядку. Онъ такъ размахивалъ длинными руками, что походилъ на мельницу или на летучую мышь. Не утерпѣла и царица Луковна — тряхнула стариной. Подбоченясь, взмахнула шелковымъ платочкомъ и поплыла павой, отбивая серебряными каблучками.

— Эхъ-эхъ-эхъ!..—приговаривала она, помахивая платочкомъ.

— Ай-да старуха!—хвалилъ царь Горохъ.—Когда я былъ молодой, такъ вотъ какъ умѣлъ плясать, а теперь брюхо не позволяетъ...

Босоножка смотрѣла на чужое веселье и плакала: очень ужъ ей было обидно чужое веселье.

XIII.

Сидя у своего окошечка, Босоножка много разъ видѣла сестру, красавицу Кутафью, которая еще болѣе похорошѣла, какъ вышла замужъ. Разъ Кутафья гуляла одна, и Босоножка ей крикнула:

ЦАРИЦА ЛУКОВКА ПЛЫЛА ПАВОЙ
ОТЕВАЯ СЕРЕБРЯНЫМИ КАБЛУЧКАМИ

— Сестрица Кутафья, подойдите сюда...

Въ первый разъ Кутафья сдѣлала видъ, что не слыхала, во второй разъ она взглянула на Босоножку и притворилась, что не узнала ея.

— Милая сестрица, да вѣдь это я, Горошинка...

Красавица Кутафья пошла и пожаловалась матери. Царица Луковна страшно разсердилась, прибѣжала, выбранила Босоножку и закрыла окно ставнями.

— Ты у меня смотри! — ворчала она. — Вотъ ужо, дай только гостямъ уѣхать... Пристало ли тебѣ, чучелѣ, съ красавицей Кутафьей разговаривать? Только меня напрасно срамишь...

Сидитъ Босоножка въ темнотѣ и опять плачетъ. Свѣту только и осталось, что щелочка между ставнями. Нечего дѣлать, отъ скуки и въ щелочку насмотришься. По цѣлымъ часамъ Босоножка сидѣла у окна и смотрѣла въ свою щелочку, какъ другіе веселятся. Смотрѣла, смотрѣла и увидѣла красавца-витязя, который пріѣхалъ на пиръ случайно. И хорошъ витязь—лицо бѣлое, глаза соколиные, русые кудри изъ кольца въ кольцо. И молодъ, и хорошъ, и удалъ. Всѣ ликуются, а другіе витязи только завидуютъ. Нечего сказать, хорошъ былъ король Косарь, а этотъ получше будетъ. Даже гордая красавица Кутафья не одинъ разъ потихоньку взглянула на писанаго красавца и вздохнула.

А у бѣдной Босоножки сердце такъ и бьется, точно пойманная птичка. Очень ужъ ей понравился неизвѣстный витязь. Вотъ бы за кого она и замужъ пошла. Вся бѣда въ томъ, что Босоножка не знала, какъ витязя зовутъ, ато какъ-нибудь вырвалась бы изъ своей тюрьмы и ушла бы къ нему. Все бы ему до капельки разсказала, а онъ навѣрно пожалѣлъ бы ее. Вѣдь она хорошая, хотя и уродина.

Сколько гости ни пировали, а пришлось разъѣзжаться по домамъ. Царя Пантелея увезли совсѣмъ пьянаго. На прощаньи съ дочерью царица Луковна вспомнила про свою Босоножку и расплакалась.

— Ахъ, что я съ нею только дѣлать буду, Кутафья... И царя Гороха боюсь, и добрыхъ людей будетъ стыдно, когда узнаютъ.

Красавица Кутафья нахмурила свои соболиныя брови и проговорила:

— О чемъ ты плачешь, мама? Пошли ее въ кухню, на самую черную работу—вотъ и все... Никто и не посмѣетъ думать, что это твоя дочь.

— Да вѣдь жаль ее, глупую...

— Всѣхъ уродовъ не пережалѣешь. Да я и не вѣрю ей, что она твоя дочь. Совсѣмъ не въ нашу семью: меня добрые люди красавицей называютъ, и братъ Орликъ тоже красавецъ. Откуда же такой-то уродинѣ взяться?

— Говоритъ, что моя...

ВОТЪ ТАКЪ КРАСАВИЦА

— Мало ли что она скажетъ... А ты ее пошли въ кухню да еще къ самому злому повару.

Сказано—сдѣлано. Босоножка очутилась на кухнѣ. Всѣ повара и поварихи покатываются со смѣху, глядя на нее.

— Гдѣ это наша царица Луковна отыскала такую красоту? Вотъ такъ красавица... Хуже-то во всемъ гороховомъ царствѣ не сыскать.

— И одежонка на ней тоже хороша,—удивлялась повариха, разглядывая Босоножку:—воронъ пугать... Ну, и красавица!

А Босоножка была даже рада, что освободилась изъ своего заточенія, хотя ее и заставляли дѣлать самую черную работу—она мыла грязную посуду, таскала помои, мыла полы. Всѣ такъ ею и помыкали, а особенно поварихи. Только знаютъ да покрикиваютъ.

— Эй, ты, хромая нога, только даромъ царскій хлѣбъ ѣшь! А пользы отъ тебя никакой нѣтъ...

Особенно донимала ее старая повариха, злющая старая баба, у которой во рту словно былъ не одинъ языкъ, а цѣлыхъ десять. Случалось не разъ, что злая баба и прибьетъ Босоножку: то кулакомъ въ бокъ сунетъ, то за косу дернетъ. Босоножка все переносила. Что можно было требовать отъ чужихъ людей, когда отъ нея отказались родная мать и сестра. Спрячется куда-нибудь въ уголокъ и потихоньку плачетъ — только и всего. И пожаловаться некому. Правда, царица Луковна заглядывала нѣсколько разъ на кухню и справлялась о ней, но всѣ поварихи и повара кричали въ одинъ голосъ:

— Лѣнивая-прелѣнивая эта уродина, царица! Ничего дѣлать не хочетъ, а только даромъ царскій хлѣбъ ѣстъ...

— А вы ее наказывайте, чтобы не лѣнилась,—говорила царица.

Стали Босоножку наказывать: то безъ обѣда оставятъ, то запрутъ въ

темный чуланъ, то поколотятъ. Больше всего возмущало всѣхъ то, что она переносила все молча, и если плакала, то потихоньку.

— Это какая-то отчаянная! — возмущались всѣ. — Ея ничѣмъ не проймешь... Она еще что-нибудь сдѣлаетъ съ нами. Возьметъ да дворецъ подожжетъ—чего съ нея взять, съ колченогой!

Наконецъ, вся дворня вышла изъ терпѣнія, и всѣ гурьбой пошли жаловаться царицѣ Луковнѣ.

— Возьми ты отъ насъ, царица Луковна, свою уродину. Житья намъ не стало съ нею. Вотъ какъ замаялись съ нею всѣ—и не разсказать.

Подумала, подумала царица Луковна, только покачала головой и сказала:

— А что я съ нею буду дѣлать? Надоѣло мнѣ слушать про нее...

— Сошли ты ее, царица матушка, на задній дворъ. Пусть гусей караулитъ... Самое это подходящее ей дѣло.

— Въ самомъ дѣлѣ, послать ее въ гусятницы, — обрадовалась царица Луковна.—Такъ и сдѣлаемъ... По крайней мѣрѣ, съ глазъ долой.

XIV.

Совсѣмъ обрадовалась Босоножка, какъ сдѣлали ее гусятницей. Правда, кормили ее плохо—на задній дворъ посылали съ царскаго стола одни объѣдки, но зато съ ранняго утра она угоняла своихъ гусей въ поле и тамъ про-

водила цѣлые дни. Завернетъ корочку хлѣба въ платокъ—вотъ и весь обѣдъ. А какъ хорошо лѣтомъ въ полѣ—и зеленая травка, и цвѣточки, и ручейки, и солнышко смотритъ съ неба такъ ласково-ласково. Босоножка забывала про свое горе и веселилась, какъ умѣла. Съ нею разговаривали и полевая травка, и цвѣточки, и бойкіе ручейки, и маленькія птички. Для нихъ Босоножка совсѣмъ не была уродомъ, а такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ другіе.

— Ты у насъ будешь царицей,—шептали ей цвѣты.

— Я и то царская дочь,—увѣряла Босоножка.

Огорчало Босоножку только одно—каждое утро на задній дворъ приходилъ царскій поваръ, выбиралъ самаго жирнаго гуся и уносилъ. Очень ужъ любилъ царь Горохъ поѣсть жирной гусятины. Гуси ужасно роптали на такой аппетитъ царя Гороха и долго гоготали.

— Го-го-го... Ѣлъ бы царь Горохъ всякую другую говядину, а насъ бы лучше не трогалъ. И что мы ему понравились такъ, несчастные гуси!

Босоножка ничѣмъ не могла утѣшить бѣдныхъ гусей и даже не смѣла сказать, что царь Горохъ совсѣмъ добрый человѣкъ и никому не желаетъ дѣлать зла.

Хуже всего было, когда наѣзжали во дворецъ гости. Царь Пантелей одинъ съѣдалъ цѣлаго гуся. Любилъ старикъ покушать, хотя и худъ былъ,

Какъ хорошо лѣтомъ въ полѣ

какъ Кощей. Другіе гости тоже ѣли, да царя Гороха похваливали. Вотъ какой добрый да гостепріимный царь. Не то, что король Косарь, у котораго много не разгостишься. Красавица Кутафья, какъ вышла замужъ, сдѣлалась такая скупая — всего ей жаль. Ну, гости похлопаютъ глазами и уѣдутъ, не солоно хлѣбавши, къ царю Гороху.

Какъ-то наѣхало гостей съ разныхъ сторонъ видимо-невидимо, и захотѣлъ царь Горохъ потѣшить ихъ молодецкою, соколиною охотой. Разбили въ чистомъ полѣ царскую палатку съ золотымъ верхомъ, наставили столовъ, навезли и пива, и браги, и всякаго вина, разложили по столамъ всякую ѣду. Пріѣхали и гости—женщины въ колымагахъ, а мужчины верхомъ. Гарцуютъ на лихихъ аргамакахъ, и каждый показываетъ свою молодецкую удаль, а Красикъ — богатырь получше всѣхъ. Другіе витязи и богатыри только завидуютъ.

— Веселитесь, дорогіе гости, — поговариваетъ царь Горохъ, — да меня, старика, лихомъ не поминайте... Кабы не мое толстое брюхо, такъ я бы показалъ вамъ, какъ надо веселиться. Угорѣлъ я немного, чтобы удаль свою показывать... Вотъ спросите царицу Луковну, какой я былъ молодецъ. Бывало, никто лучше меня на конѣ не проѣдетъ... А изъ лука какъ стрѣлялъ — разъ какъ пустилъ стрѣлу въ медвѣдя и прямо въ лѣвый глазъ попалъ, а она въ правую заднюю ногу вышла.

Царица Луковна во-время дернула за рукавъ расхвастaвшагося мужа, и царь Горохъ прибавилъ:

— То бишь это былъ не медвѣдь, а заяцъ...

Когда царица Луковна дернула его опять за рукавъ, царь Горохъ еще разъ поправился:

— То, бишь, и не заяцъ, а утка, и попалъ я ей не въ глазъ, а прямо-прямо въ хвостъ. Такъ, Луковна?

— Такъ, такъ, царь Горохъ, — подтвердила царица. — Вотъ какой былъ удалый...

Расхвастались и другіе витязи и богатыри, кто какъ умѣлъ. А больше всѣхъ расхвастался царь Пантелей.

— Когда я былъ молодой—теперь мнѣ борода мѣшаетъ,—такъ я одною стрѣлой убилъ оленя, ястреба и щуку,—разсказывалъ старикъ, поглаживая бороду.—Дѣло прошлое, теперь можно и похвастаться.

Пришлось царицѣ Луковнѣ дернуть за рукавъ и брата Пантелея, потому какъ очень ужъ онъ началъ хвастаться.

— Да, я... я...—заикался царь Пантелей.—Я прежде вотъ какъ легокъ былъ на ногу: побѣгу и зайца за хвостъ поймаю. Вотъ хоть царя Гороха спросите...

— Врешь ты все, Пантелей,—отвѣтилъ царь Горохъ.—Очень ужъ любишь похвастать... да... я верхомъ на волкѣ цѣлую ночь ѣздилъ. Ухватился за уши и сижу... Это всѣ знаютъ... Такъ, Луковна? Вѣдь ты помнишь?

— Да будетъ вамъ, горе-богатыри,—уговаривала расходившихся стариковъ царица.—Мало ли что было... Не все же разсказывать. Пожалуй, и не повѣрятъ еще... Можетъ быть, и со мною какіе случаи бывали, а я молчу. Поѣзжайте-ка лучше на охоту...

Загремѣли мѣдныя трубы, и царская охота выступила со стоянки. Царь Горохъ и царь Пантелей не могли ѣхать верхомъ и тащились за охотниками въ колымагѣ.

— Какъ я прежде верхомъ ѣздилъ...—со вздохомъ говорилъ царь Горохъ.

— И я тоже...—говорилъ царь Пантелей.

— Лучше меня никто не умѣлъ проѣхать...

— И я тоже...

— Ну, ужъ это ты хвастаешь, Пантелей!

— И не думалъ... Спроси, кого угодно.

— И все-таки хвастаешь... Ну, сознайся, Пантелеюшка: прихвастнулъ малымъ дѣломъ?

Царь Пантелей оглянулся и шопотомъ спросилъ:

— А ты, Горохушко?

Царь Горохъ тоже оглянулся и тоже отвѣтилъ шопотомъ:

— Чуть-чуть прибавилъ, Пантелеюшка... Такъ, на воробьиный носъ.

— И великъ же, должно быть, твой воробей...

Царь Горохъ чуть-чуть не разсердился, но во-время вспомнилъ, что нужно быть добрымъ, и расцѣловалъ Пантелея.

— Какіе мы съ тобою богатыри, Пантелеюшка... Даже всѣмъ это удивительно! Куда имъ, молодымъ-то, до насъ...

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПРИБАВИЛЪ ПАНТЕЛЕЮШКА

ТАКЪ, НА ВОРОБЬИНЫЙ НОСЪ.

XV.

Босоножка пасла своихъ гусей и видѣла, какъ тѣшится царь Горохъ своею охотой. Слышала она веселые звуки охотничьихъ роговъ, лай собакъ и веселые окрики могучихъ богатырей, такъ красиво скакавшихъ на своихъ дорогихъ аргамакахъ. Видѣла Босоножка, какъ царскіе сокольничьи бросали своихъ соколовъ на разную болотную птицу, поднимавшуюся съ озера или съ рѣки, на которой она пасла своихъ гусей. Взлетитъ соколъ кверху и камнемъ падетъ на какую-нибудь несчастную птицу, только перышки посыплются. А тутъ отдѣлился одинъ витязь отъ царской охоты и несется прямо на нее. Перепугалась Босоножка, что его соколъ перебьетъ ея гусей, и загородила ему дорогу.

— Витязь, не тронь моихъ гусей! — смѣло крикнула она и даже замахнулась хворостиной.

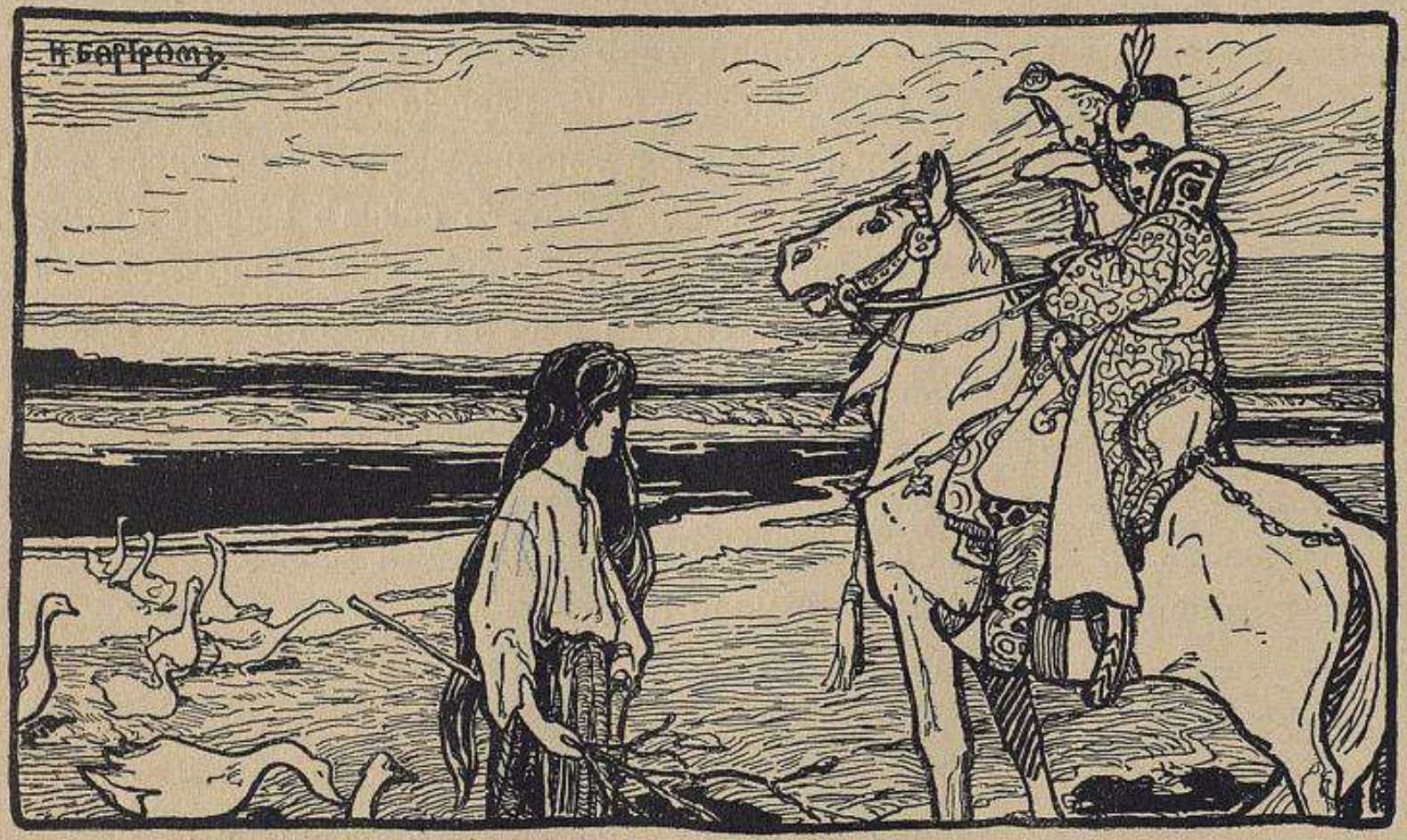
Остановился витязь съ удивленіемъ, а Босоножка узнала въ немъ того самого, который понравился ей больше всѣхъ.

— Да ты кто такая будешь?—спросилъ онъ.

— Я—царская дочь...

Засмѣялся витязь, оглядывая оборванную Босоножку съ ногъ до головы. Ни дать, ни взять—настоящая царская дочь... А, главное, смѣла и даже хворостиной на него замахнулась.

Я - царская дочь



— Вотъ что, царская дочь, дай-ка мнѣ напиться воды,—сказалъ онъ.— Разжарился я очень, а слѣзать съ коня не охота.

Пошла Босоножка къ рѣкѣ, зачерпнула воды въ деревянный ковшъ и подала витязю.

Тотъ выпилъ, вытеръ усы и проговорилъ:

— Спасибо, красавица... Много я на свѣтѣ видывалъ, а такую царскую дочь вижу въ первый разъ.

Вернулся богатырь на царскую ставку и разсказываетъ всѣмъ о чудѣ, на которое онъ наѣхалъ.

Смѣются всѣ витязи и могучіе богатыри, а у царицы Луковны душа въ пятки ушла. Чего она боялась, то и случилось.

— Приведите ее сюда, и посмотримъ,—предлагалъ подгулявшій царь Пантелей.—Даже очень любопытно... Потѣшимся досыта.

— И что вамъ за охота на уродину смотрѣть?—вступилась было царица Луковна.

— А зачѣмъ она себя царскою дочерью повеличиваетъ?

Послали сейчасъ же пословъ за Босоножкой и привели передъ царскій шатеръ. Царь Горохъ такъ и покатился со смѣху, какъ увидалъ ее. И горбатая, и хромая, и вся въ заплатахъ.

— Точно гдѣ-то я тебя, умница, видалъ?—спрашивалъ онъ, разглаживая бороду.—Чья ты дочь?

Босоножка смѣло посмотрѣла ему въ глаза и отвѣтила:

— Твоя, царь Горохъ.

Всѣ такъ и ахнули, а царь Пантелей чуть не задохся отъ смѣху. Ахъ, какая смѣшная Босоножка и какъ осрамила царя Гороха.

— Это я знаю,—нашелся царь Горохъ.—Всѣ мои подданные—мои дѣти...

— Я твоя родная дочь Горошинка,—смѣло отвѣтила Босоножка.

Тутъ ужъ не стерпѣла красавица Кутафья, выскочила и хотѣла вытолкать Босоножку въ шею. Царь Горохъ тоже хотѣлъ разсердиться, но вовремя вспомнилъ, что онъ добрый царь, и только расхохотался. И всѣ хохотали надъ Босоножкой, а Кутафья такъ и подступаетъ къ ней съ кулаками. Всѣ замерли, ожидая, что будетъ, какъ вдругъ выступилъ витязь Красикъ. Молодъ и гордъ былъ Красикъ, и стало, что это онъ подвелъ бѣдную дѣвушку на общую потѣху, да и обидно при томъ, что здоровые люди смѣются и потѣшаются надъ уродцемъ. Выступилъ витязь Красикъ и проговорилъ:

— Цари, короли, витязи и славные богатыри, дайте слово вымолвить... Дѣвушка не виновата, что она такою родилась, а вѣдь она такой же человѣкъ, какъ и мы. Это я ее подвелъ на общее посмѣшище и женюсь на ней.

Подошелъ витязъ Красикъ къ Босоножкѣ, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ.

У всѣхъ на глазахъ случилось великое чудо. Босоножка точно распустилась въ рукахъ у витязя, и онъ на рукахъ унесъ ее въ царскій шатеръ, а черезъ часъ вывелъ за руку дѣвушку неописанной красоты.

— Да, это моя дочь!—крикнулъ царь Горохъ.—Она самая...

Спало колдовство съ Босоножки, потому что полюбилъ ее первый красавецъ такою, какою она была.

Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло—въ ротъ не попало.

6/

Соч. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ

Рисовалъ Н. Д. Бартрамъ

Изд. Д. И. Тихомировъ